

Научная статья

УДК 81-22

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.19>

Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах

Шан Бофэй¹, Сай На², Лю Чжицян³✉

^{1,2,3}Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет,
п. Цзянсу, г. Чжэньцзян, Китай

¹shangbofei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6611-9563>

²sai.na@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4732-8428>

³liu.chzh@just.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-7121-0062>

Аннотация. Человеческая жизнь немислима без животных и птиц. Каждая нация выстраивает свои отношения с представителями фауны, одновременно наделяя их образы национально определенным коннотативным содержанием. В статье рассматривается значение концептов живых существ с точки зрения лингвокультурологии двух стран – России и Китая. Анализ показал, что в русском и китайском языках культурная коннотация образов животных и птиц может как совпадать, так и различаться. При этом реально провести ранжирование образов по степени взаимного соответствия их коннотативных значений в русской и китайской культурах. В частности, ласточки и лошади в русском и китайском языковом сознании имеют одинаковую культурную коннотацию; вороны, воробьи и змеи – схожую, но не совпадающую полностью, а перепела, зайцы и кошки характеризуются принципиальными различиями в культурной коннотации языков двух наций. Резюмируется, что учет коннотативных значений наименований представителей фауны, характерных для русской и китайской картины мира, позволит учитывать национально-культурные представления людей для выстраивания продуктивного межкультурного диалога и упрочения межнациональных связей.

Ключевые слова: образ животного, образ вороны, образ ласточки, образ зайца, образ лошади, образ воробья, образ кошки, образ перепела, образ змеи, лингвокультурология, фразеологизм, русская и китайская культура, культурная коннотация

Для цитирования: Шан Бофэй, Сай На, Лю Чжицян. Образы животных в русской и китайской лингвокультурах // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11. С. 114–122. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.19>.

Original article

Images of animals and birds in Russian and Chinese linguistic cultures

Shang Bofei¹, Sai Na², Liu Zhiqiang³✉

^{1,2,3}Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology,
Zhenjiang, Jiangsu, China

¹shangbofei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6611-9563>

²sai.na@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4732-8428>

³liu.chzh@just.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-7121-0062>

Abstract. Human life is unthinkable without animals and birds. Each nation builds its relations with representatives of fauna, at the same time endowing their images with a nationally defined connotative content. The article examines the significance of the concepts of living beings from the point of view of linguistic cultural science of two countries – Russia and China. The analysis showed that in Russian and Chinese the cultural connotation of images of animals and birds can both coincide and differ. At the same time, it is realistic to rank images according to the degree of mutual correspondence of their connotative meanings in Russian and Chinese cultures. In particular, swallows and horses in the Russian and Chinese language consciousness have the same cultural connotation; crows, sparrows and snakes are similar, but not completely identical, and quails, hares and cats are characterized by fundamental differences in the cultural connotation of the languages of the two nations. It is summarized that taking into account the connotative meanings of the names of representatives of fauna, characteristic of the Russian and Chinese worldview, will allow taking into account the national and cultural representations of people to build a productive intercultural dialogue and strengthen interethnic ties.

Keywords: Image of animals, image of a crow, image of a swallow, image of a hare, image of a horse, image of a sparrow, image of a cat, image of a quail, image of a snake, linguistic cultural science, phraseology, Russian and Chinese culture, cultural connotation

For citation: Shang Bofei, Sai Na & Liu Zhiqiang. (2021) Images of animals and birds in Russian and Chinese linguistic cultures. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 114–122. Available from: doi: 10.24158/fik.2021.11.19 (In Russian).

Животные и птицы всегда играли важную роль в жизни человека – на протяжении всей истории цивилизации. Они сопровождали становление общества, выступая объектами хозяйственной деятельности человека, воплощая в себе разного рода представления людей о мире природы, при этом живые существа в сознании человека наделялись особыми, символическими значениями. Во многих языках мира названия представителей фауны, а также фразеологизмы с компонентом-зоонимом широко используются для образной характеристики человека, отражая национально-культурную специфику восприятия окружающей действительности различными народами (Астанкова, 2017). Заслуживает внимания точка зрения известного китайского ученого Лю Гуанчжуня, который утверждает, что человеческие симпатии и антипатии к животным могут быть объективными или субъективными и зависят от культурных факторов, таких как социальный образ жизни, географические условия проживания, психологические особенности личности, моральные установки, ценностные ориентации, эстетические предпочтения, религиозные убеждения и т. д. (Guangzhun, Suhua, 1999).

Язык – важная часть культуры, через которую и происходит трансляция в социум основных ценностей и стереотипов. Как утверждает М. А. Федоров, язык «входит в систему культуры как ее интегрированный элемент, находясь в прямой зависимости от культурной ситуации и отражая условия его использования» (Федоров, 2013).

Русский и китайский языки – многоплановые системы, в каждой из которых имеется большое количество слов, связанных с животными. Это лексемы, которые не только являются названиями представителей фауны, но и несут в своем содержании уникальную культурную информацию русского и китайского народов (Dongmei, 2008).

В соответствии с целями нашего исследования рассмотрим образы некоторых представителей мира животных и птиц – ласточек, лошадей, ворон, воробьев, змей, перепелов, зайцев и кошек, представленные в лингвистическом пространстве Китая и России, и обладающие интересной коннотативной структурой в национальном отношении. Настоящая работа дополняет ряд других (Вастьянова, 2014; Гоу, 2020; Лю, 2014; У, 2013; Чжицян, 2011; Чжу, 2019), посвященных разным аспектам изучения и сравнения образов животных и птиц в русской и китайской культурах, что создает возможность для улучшения взаимопонимания представителей двух стран и выстраивания более продуктивного межкультурного диалога.

Обратимся к рассмотрению образов птиц, имеющих национальное лингвокультурное своеобразие.

Ласточки имеют положительные культурные коннотации как в русском, так и в китайском языке. Они являются символами весны и любви. Это образ с позитивным содержанием. Согласно христианской легенде эти птицы украли гвозди, которыми иудеи собирались распять Иисуса, поэтому для православных русских ласточки имеют особое значение. В России бытует понятие: «Голубь и ласточка – любимые богом птицы». Ласточки также популярны и в Китае. Поскольку они питаются насекомыми-вредителями и таким образом защищают сельскохозяйственные угодья, их называют «益鸟» – полезные птицы. Китайцы считают, что ласточки обеспечивают хороший урожай и приносят удачу.

С этими птицами связан целый ряд китайских и русских пословиц и примет. Русские верят, что, когда ласточка залетает в дом, будут хорошие новости, а если у кого на доме есть гнездо этих птиц, тот добрый человек; кроме того, в народе существует убеждение, что гнездо ласточки разорять грех.

В Китае образ этой птицы имеет ту же культурную коннотацию. В частности, распространены приметы аналогичного содержания: «燕子不住愁房» («Ласточки не гнездятся в доме печального хозяина»), «扒燕窝瞎眼睛» («Если кто-нибудь разрушит ласточкино гнездо, он будет слепым») и т. д.

Следует сказать и о том, что ласточка как в китайском, так и в русском национальном сознании ассоциируется с весной или, в переносном значении, с началом какого-либо сложного дела: с этой целью используется, например, устойчивое выражение «первая ласточка».

Идиома «Одна ласточка весны не делает» употребляется для описания индивидуальных характеристик явления как недостаточных для того, чтобы считать его свершившимся и законченным.

Известный китайский поэт Бай Цзюйи использовал строки «几处早莺争暖树，谁家新燕啄春泥» («Несколько ранних иволг карабкались по ветвям, которые летели к солнцу, а ласточки были заняты строительством гнезд из грязи») в древних стихах, отсылая читателей к образу ласточки, приносящей весну. Другой поэт, Янь Шу, писал: «燕子来时新社，梨花过后清明» («Когда ласточки прилетели обратно, это был день весеннего жертвоприношения, и после того как цветы груши упали, начался праздник Цинмин»), желая подчеркнуть жизненную силу весны. Кроме того, в китайском языке существует множество идиом, связанных с этими птицами, например, жители Поднебесной говорят: «春燕回巢» («Весной ласточки возвращаются в свое первоначальное гнездо») для описания прихода весны и «莺歌燕语» («Иволги поют, ласточки шепчут») для описания прекрасной картины весны.

Наконец, ласточки имеют культурную коннотацию чистой любви в Китае и России. В русском языке мужчины называют любимую женщину «Ласточка ты моя!». В китайском же языке есть слово «双飞燕», имеющее значение «двойная летающая ласточка». Надо сказать, что здесь нашло выражение национальное своеобразие понимания образа этой птицы. Китайцы ценят, что ласточки всегда живут парами, строят гнезда вместе и заводят потомство, поэтому они часто используют названия этих птиц в переносном значении – как метафору любви и счастливого супружества.

Рассмотрим образ вороны в лингвокультурном пространстве Китая и России.

Вороны признаны «несчастливыми» птицами в обеих странах, обычно ассоциирующимися со смертью или террором. В русском языке есть пословица «Ворона каркает не к добру», а в Китае часто говорят: «乌鸦叫, 祸事到» («Ворона каркает, надвигается катастрофа») и «乌鸦头上过, 无灾必有祸» («Ворона пролетела над головой – к несчастному случаю или катастрофе»).

В обеих странах слово «ворона» часто является синонимом людей, обладающих какими-либо негативными характеристиками. Например, в русском языке фраза «Как ни бодрилась ворона, а до сокола далеко ей» используется обычно для обозначения лиц, которые, несмотря на внешние позитивные изменения, внутренне не исправляются, не изменяют своим плохим привычкам. Устойчивое выражение «Ворон ворону глаз не выклюет» находит свое применение при описании круговой поруки и соучастия между плохими людьми. Китайцы с этой же целью часто используют фразу «天下乌鸦一般黑» («Все вороны в мире одинаково черны»), а выражение «乌合之众» («Группа людей собралась, как вороны») применяется ими для описания неорганизованной и недисциплинированной толпы, сборища.

Образ вороны имеет также иронические культурные коннотации как в русском, так и в китайском языках. Например, выражение «считать ворон» используется русскими для описания человека, который беспечен, невнимателен, а идиома «белая ворона» – для обозначения кого-либо, отличающегося от других поведением, одеждой, выбивающегося из обычных представлений. Пословица «Пуганая ворона и куста боится» хорошо подходит к ситуации, когда речь идет о человеке, который однажды столкнулся с неблагоприятной для себя ситуацией и теперь видит предпосылки ее повторения во всем. Китайцы используют выражение «乌鸦嘴» («вороний язык»), чтобы высмеять плохую речь человека, а пословицу «乌鸦变不了凤凰» («Ворона не может изменить Феникса») – для демонстрации жадности кого-либо. Жители Поднебесной часто обращаются к фразе «乌鸦站在煤堆上 – 瞧得见别人黑, 瞧不见自己黑» («Ворона стояла на куче угля, видя только, что другие были черными, и не видела, что сама черная»), когда необходимо показать человека, который видит недостатки только у других (аналог русской поговорки «В чужом глазу соринку видит, а в своем бревна не замечает», которая берет истоки в одной из заповедей Иисуса Христа: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь»).

Надо сказать, что при всей схожести китайского и русского содержания концепта «ворона» он обладает и уникальными характеристиками, обусловленными национальным своеобразием коллективного сознания. Так, в России ворона является в том числе и символом лицемерия. Подтверждением этому служат выражения «Ворона в павлиньих перьях» и «Видом сокол, а голосом ворона». В Китае же эта птица олицетворяет сыновнюю преданность. Согласно записям древней китайской книги «Монография бэнь-цао-ган-му», когда ворона рождается, птица-мать кормит ее в течение шестидесяти дней, а когда птенец вырастает во взрослую птицу, он кормит ворону-мать в течение шестидесяти дней¹. Поэтому идея «乌鸦反哺» («вороны знают почитание родителей, кормя их в старости») широко распространена в Китае, а граждане страны часто используют это предложение как метафору сыновнего долга.

Перейдем к рассмотрению следующего концепта. Образ воробья в китайской и русской культуре во многом идентичен. Так, эта невзрачная птичка является носителем следующих коннотаций: 1) маленький; 2) умный; 3) гибкий, ловкий, быстрый, стремительный.

Являясь символом малости, незначительности, воробьи стали основными субъектами целого ряда устойчивых выражений, распространенных в русском языке. Так, поговорка «Из пушки по воробьям стрелять» является метафоричным описанием малоэффективной деятельности, потребовавшей тем не менее значительных усилий. В китайском языке есть похожая фраза, но воробей не фигурирует в ней – «杀鸡用牛刀» («Резать маленькую курицу большим ножом для разделки быка»). Как и в России, в Поднебесной распространены идиомы, которые включают образ воробья со значением «маленький»: «麻雀虽小, 五脏俱全» («Хоть и мал воробушек, да у него все органы налицо»). Люди используют ее для описания небольших по размеру вещей, имеющих емкое, полноценное содержание.

---

¹ 乌鸦反哺 // 百度百 = Вороны знают почитание родителей, кормя их в старости // Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B9%8C%E9%B8%A6%E5%8F%8D%E5%93%BA/9051742?fr=aladdin> (дата обращения: 13.09.2021). На кит. яз.

Общим для русской и китайской культуры является восприятие воробья как символа ума, мудрости. Например, в России поговорки «Где просо, там и воробей», «Воробей не живёт без людей» и «Воробей на кошку чирикает» придают образу этой маленькой птички характеристику разумности. В китайской поговорке «麻雀囤食要下雪» («Воробьи запасают еду, так как скоро пойдёт снег») также отражено сходное значение рассматриваемого концепта.

Следует сказать также и о том, что воробьи благодаря своему поведению и малым размерам стали ассоциироваться у людей с образцом ловкости, быстроты, стремительности. Русские используют поговорку «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь», опираясь именно на эти характеристики рассматриваемых птиц, что позволяет всему выражению придать значение необходимости следить за собственной речью. Аналогичным значением обладает идиома «Время, как воробей, упустишь – не поймаешь»: отсылая к скорости полета этих птичек, она сообщает о ценности времени. В китайском языке воробьи также символизируют ловкость, гибкость, быстроту, стремительность, что, в частности, отражено в устойчивом выражении «欢呼雀跃» («радостно прыгает, как воробей»), используемом жителями Поднебесной для описания состояния радости и веселья.

Однако при всей схожести русских и китайских характеристик воробья как культурного концепта он обладает и дифференциальными признаками в национальных представлениях граждан России и Китая. Так, в русской картине мира образ воробья сопряжен со значением «опыт», что нашло свое отражение в соответствующих идиомах вроде «стреляный воробей» и «старого воробья на мякине не проведешь». В китайском языке воробьи имеют культурную коннотацию высокомерия. Например, жители Поднебесной используют устойчивое выражение «处堂燕雀» («Ласточки и воробьи поселились в доме») как метафору для наименования людей, теряющих бдительность в стабильной жизни и жаждущих только удовольствия. Идиома «燕雀之见» («Мнение ласточек и воробьев») часто используется китайцами, чтобы описать человека, не обладающего проницательностью и не имеющего амбиций. В дополнение к сказанному отметим, что в китайской культуре воробьи считаются символом статусности – «爵» (титула, ранга, сана, положения). Например, в живописи или других видах искусства сочетание образов бамбука и воробья означает «加官晋爵» – получение повышения в должности и ранге, одновременное использование изображений граната обыкновенного и воробья таит в себе иной смысл – «多子多孙» («многочисленное потомство»)¹.

Говоря об образах животных, значимых в лингвокультурологическом отношении для понимания русской и китайской картины мира, следует в первую очередь рассмотреть представленность и национальное толкование концептов лошади, змеи, зайца, кошки.

Лошадь как культурный образ имеет богатую коннотацию в русском и китайском языках и является символом усердия, силы, опыта, победы, тайны и иронии. Прежде всего, в русском языке люди используют образ лошади, чтобы обозначить усердие человека в работе, например: «рабочая лошадка», «устал, как лошадь», «работать, как лошадь». Китайцы применяют фразеологизм «马不停蹄» («лошадь бежала без передышки») для описания человека, который непрерывно работает и у которого нет времени на отдых. Жители Поднебесной также употребляют фразу «当牛做马» («стал коровой и лошадей»), чтобы выразить очень тяжелую работу, выполняемую человеком без каких-либо жалоб.

Кроме того, для носителей как русского, так и китайского языка лошадь является символом силы, выносливости. Например, в России люди используют выражение «лошадиное здоровье» для обозначения чьей-либо небывалой силы, выдающегося физического развития. В китайском языке есть фразеологизмы «兵强马壮» («сильные воины и могучие лошади») и «千军万马» («тысячи солдат, десятки тысяч лошадей»), которые призваны выразить силу и боеспособность армии; идиома «快马加鞭» («еще несколько ударов кнутом по бегущей лошади») используется китайцами для описания управляемой силы, которая может быть еще больше увеличена за счет действия внешних факторов.

Еще одним уровнем содержания культурного концепта «лошадь» является опыт. В русском языке его иллюстрируют следующие пословицы: «Старый конь борозды не испортит» (об опытности старшего поколения), «Конь о четырёх ногах, да и тот спотыкается», «Без спотычки и конь не пробежит» (о том, что никто не застрахован от ошибок). Аналогичным образом обстоит дело и в Поднебесной. В китайском языке используется выражение «老马识途» («Старая лошадь знает

---

¹麻雀的多重象征：有时代表贪图享乐，有时寓意加官进爵= Многочисленные символы воробья: иногда он олицетворяет жадность к удовольствиям, иногда означает продвижение по службе // Феникс. URL: https://js.ifeng.com/a/20170425/5608271_0.shtml (дата обращения: 13.09.2021). На кит. яз.

дорогу»), которое метафорически обозначает опытных людей в какой-либо области или деятельности. Пословица «人有失足，马有失蹄» («Люди спотыкаются, лошади спотыкаются») по содержанию сходна с русской идиомой, признающей возможность ошибки человека.

Традиционно лошади в русской культуре ассоциируются с воинами и победителями, поэтому и образ лошади имеет культурную коннотацию победы. Например, в русском языке есть выражения «Кто смел, тот на коня сел» и «Быть на коне», в китайском – «马到成功» («Успех, когда прибывает лошадь»), когда речь идет о получении быстрых результатов, и «放牛归马» («Корова и лошадь возвращаются в дом фермера»), когда необходимо метафорически передать атмосферу победы в войне, в результате которой солдаты возвращаются домой.

Общим для двух народов пониманием образа лошади является его мистичность. Так, в России лошадь признается особым животным, способным предвидеть будущее, поэтому она становится символом тайны. Часто лошадь выступает одним из участников национальных обрядов. Согласно одному из них девушка перед свадьбой выводит лошадь из конюшни и позволяет ей перешагнуть через препятствие. Если животное спотыкается, это означает, что девушка выйдет замуж за жестокого человека. Этот потерявший в современных условиях актуальность обряд породил примету, согласно которой «спотыкающаяся лошадь указывает на несчастье». На некоторую мистичность образа указывает выражение «Суженого и на коне не объедешь», значение которого сводится к осознанию неизбежности союза двух людей, которым суждено быть вместе.

В китайской культуре тенденция к восприятию лошади как животного, имеющего мистический ореол, также имеет место быть. Очень талантливого человека часто называют «千里马» («крылатый конь») или «骏马良驹» («быстроногий и отличный конь»). Кроме того, в китайском языке есть выражение «牛头马面» («бычья голова и лошадиное лицо»), которое также сообщает о волшебной, сверхъестественной природе лошади.

Надо признать, что в русском языке слово «лошадь» зачастую приобретает иронический смысл. Например, его используют, чтобы высмеять высоких и глупых женщин; чтобы подчеркнуть чрезмерную грубость, громкость смеха кого-либо («ржёт, как лошадь»). В китайском языке концепт также может иметь ироническую окраску. Например, фраза «害群之马» («Лошадь, которая весь табун портит») употребляется в речи при желании говорящего высмеять людей, которые вредят коллективу, а выражение «人仰马翻» («Люди – навзничь, лошадь – кувырком») – чтобы описать ситуацию беспорядка и хаоса, высмеять чью-то неспособность разобраться в складывающемся положении. Часто в речи современных жителей Поднебесной используется поговорка «人不知自丑，马不知脸长» («Человек не знал, что он уродлив, а лошадь не знала, что у нее длинное лицо»), она призвана поднять на смех людей, не анализирующих свои действия, не критичных к себе. Кроме того, в разговорной речи неосторожных людей часто называют «马大哈» (Мадаха), а лстецов – «马屁精» (Мапицин). В этих словах также обнаруживается устойчивый символ «Ма» (лошади).

Следующий образ, заслуживающий нашего внимания, – образ змеи. Надо сказать, что его коннотация во многом сходна в русском и китайском языках. Это может быть связано с тем, что большинство людей боятся змей, поэтому и в России, и в Китае эти существа ассоциируются со страхом. В русском языке существует даже медицинский термин «герпетофобия», который относится к психическому заболеванию, вызванному сильным страхом человека перед змеями. В китайском языке культурная коннотация страха перед змеями нашла выражение в идиомах: «杯弓蛇影» («Тень от лука, отображенная в стакане, кажется уже змеей») и «一朝被蛇咬，十年怕井绳» («Однажды ужаленный змеей десять лет и колодезной веревки боится»).

Кроме того, в России и Китае змея – символ зла и жестокости. Например, в России есть устойчивые выражения «Змею на груди пригреть» и «Ничего не может быть тяжелее, как отогреть на груди змею подколенную». Кроме того, выражение «Змея меняет шкуру, но не натуру» также широко используется в русском языке, чтобы передать, что природу плохих людей трудно изменить. В китайском языке люди используют идиому «蛇蝎心肠» («Сердце змей и скорпионов») для описания чьего-то жестокого, порочного характера, выражение «打蛇不死» («Не убивал змею») для описания постоянных негативных последствий действий плохих людей, а идиому «牛鬼蛇神» («Бычий демон и змеиный дух») – для обозначения всех злых и жестоких людей.

Также в России и Китае змеи считаются олицетворением коварства. Например, русские часто используют выражения «Пригрели змейку, а она тебя за шейку» и «Сколько змею не держать, да все стоит беды от нее ждать». Кроме того, само русское слово «змея» может иметь переносное значение «коварный и порочный человек». В русском языке часто используются выражения «Змея подколенная», «Лстец под словами – змей под цветами» и «В речах – по-соловьиному, в делах – по-змеиному», чтобы описать характер и поступки очень коварного и порочного человека. В китайском языке змеи также являются символами лицемерия. Жители Поднебесной используют выра-

жения «佛口蛇心» («Уста Будды, а сердце змеиное») и «毒蛇口中吐莲花» («Ядовитая змея выплевывает цветок лотоса изо рта»), чтобы описать коварных, подлых, непорядочных людей, по внешнему виду которых трудно предположить их неприятную сущность.

Помимо сходных коннотаций образ змеи обладает и различной смысловой нагрузкой в Китае и России. Прежде всего, это можно объяснить разницей в религиозных воззрениях представителей двух стран. Русские верят, что змеи – «демоны», потому что в «Библии» сказано: змей (дьявол) подстрекает Адама и Еву съесть запретный плод в райском саду, поэтому православные в целом отрицательно относятся к змеям. В Китае, напротив, граждане верят, что змея – это «дух-защитник», которого нужно уважать. В национальных легендах «Фу Си», «Нюй Ва», «Хуан Ди», «Богиня Сиванму» некоторые персонажи представлены на основе символа змеи. В китайской фольклорной истории «Легенда о Белой Змее» персонаж Бай Сучжэнь вызывает восхищение доброжелательностью и стремлением помочь людям. Кроме того, образ змеи в Китае тесным образом переплетается с образом дракона. А, как известно, в Поднебесной дракон – священный и почитаемый мифический персонаж. Китайцы верят, что дракон произошел от змеи, то есть сначала появляется образ змеи, а затем он эволюционирует в образ дракона (Yuzhen, 1998), поэтому жители Поднебесной иногда называют змей «小龙» («маленький дракон»), а кожу, которую змеи снимают, – «龙衣» («одежда дракона»).

Следует сказать и о том, что целый ряд наименований животных и птиц имеют принципиально разные коннотативные значения для жителей России и Китая. В качестве примера противоположных толкований рассмотрим образы перепелов, зайцев и кошек.

В русском языке слово «перепел», как и курица, обычно имеет уничижительные, презрительные культурные коннотации. Прежде всего, в значении этого концепта выделяется тема *робости, трелета*. Кроме того, в русском языке перепел также является символом *глупости, недалекости*. Например, русские используют поговорку «Не ударишь в дудку, не налетит и перепел», чтобы посмеяться над глупостью людей, а поговорку «Откусишь – гребёнка, посадишь – перепёлка, сидит, не летит» – чтобы поддеть хозяйку за то, что она не умеет готовить, печет плохой хлеб.

Кроме того, перепел также является символом эксцентричности, как, например, упомянуто в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Трудно передать словами, какую перепелкой влетел в комнату молодой прогрессист». Здесь мы обнаруживаем, что в русском языке образ перепела имеет и культурную коннотацию странности, нелепости.

В китайском языке значения образа перепела абсолютно другие. Прежде всего, в Китае эта птица является символом благополучия. Даже произношение этих двух слов: «перепел» (鹌鹑/Ань Чунь) и «благополучный» (平安/Пин Ань) имеет общее «安/Ань». Кроме того, на этой же базе слово «перепел» имеет и культурную коннотацию «безопасность» (安全/Ань Цюань), «спокойная жизнь» (安居/Ань Цзюй), «безопасность и здоровье» (安康/Ань Кан) и т.д.

Интересно и то, что поскольку перепела обладают высокой пищевой и лечебной ценностью, китайцы называют их «动物人参» (животное-«женьшень»). В Китае бытует также поговорка «要吃飞禽, 首数鹌鹑» («Перепел – самая вкусная птица»).

В соответствии с природой этих птиц коннотативный образ перепелов в Китае дополняется значением «храбрость». Из-за очень воинственного характера диких самцов в Китае распространена игра «бой перепелов», которая, как и «бой петухов» и «бой сверчков», является народным развлечением и способом проведения досуга.

Еще одним образом, иллюстрирующим различную коннотативную нагрузку в разных странах, является образ зайца. Наименование этого животного обычно имеет негативные культурные коннотации в русском языке. Прежде всего, заяц является синонимом робости. Например, об этом часто говорится в русских поговорках: «Лучше умереть орлом, чем жить зайцем», «Вор, что заяц: и тени своей боится». Кроме того, россияне часто говорят: «Трусливый, как заяц» (в китайском языке мышь – символ робости, поэтому существует фразеологизм «胆小如鼠» («Трусливый, как мышь»)).

Негативная коннотация образа зайца в России подчеркивается его частым наименованием «косоглазый». В русской культуре даже есть примета: видеть зайца, переходящего дорогу, – ждаться несчастья.

Кроме того, в русском языке слово «заяц» имеет культурную коннотацию бесстыдства: зайцами именуют дезертиров (в соответствии с коннотацией «трусость») или людей, которые не покупают билеты: выражение «ехать зайцем» означает поездку без билета.

В китайской мифологии заяц – домашнее животное Чанъэ (небожительницы, феи Луны), которое живет на Луне вместе с ней. Кроме того, заяц делает лекарства на Луне, чтобы помочь людям, поэтому этот образ является положительным в Китае и выступает символом Луны.

Кроме того, заяц в Поднебесной является синонимом чего-то милого, трогательного. В китайском языке для описания этого животного часто используются такие слова, как «洁白如雪» («чистый и белый, как снег»), «可爱动人» («милый и трогательный»), «小巧玲珑» («миниатюрный») и «蹦蹦跳跳» («прыгающий»).

Помимо сказанного коннотативный образ зайца в Китае дополняется идиомой «狡兔三窟» («Хитрый заяц три норки имеет»), которая придает наименованию значение «хитрость».

Следует подчеркнуть, что образ зайца в Китае не является абсолютно положительным и часто используется в ироничном значении с целью обличения каких-либо негативных сторон личности. В частности, идиома «守株待兔» («сторожить пень в ожидании зайца») употребляется гражданами Поднебесной, чтобы высмеять глупость людей, которые хотят получить выгоду без труда. Кроме того, в разговорном китайском языке слово «兔崽子» («сосунок заячий») является ругательством, похожим на русское слово «курицын сын». Люди также используют выражение «兔子尾巴长不了» («Заячий хвост не может вырасти длинным»), чтобы высмеять то, что человек ненастойчив, не может упорствовать в своих действиях, чтобы достигнуть желаемой цели.

В плане дифференцированности национальных коннотаций интерес для нас представляет и такой образ, как «кошка». Рассмотрим его детально.

В русской культуре кошки издавна считались помощниками волшебников и ведьм, поэтому признаны воплощением дьявола. По народным обычаям, когда люди переезжают в новую квартиру, кошка должна войти в квартиру первой, потому что она может прогнать других демонов.

Надо также помнить, что в русском языке кошка ассоциируется с женщиной, создавая оппозицию собаке, представляющей мужское начало в русском сознании: есть, например, пословица «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе», «Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет», «Собака обжора, а кошка сластёна», «Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку – наоборот» и так далее. Как видно из примеров, кошки осознаются русскими более благородными животными, чем собаки.

Кошки являются одними из самых распространенных домашних питомцев в России, однако животные черного окраса в семье встречаются редко, потому что в российской традиционной культуре чёрная кошка – самое «несчастливое» животное. Есть примета: черная кошка перешла дорогу – к несчастью. В русском языке выражение «Чёрная кошка проскочила между кем-нибудь» используется как метафора отчуждения или разногласий между близкими людьми.

В китайской культуре кошка – загадочное животное. В языке жителей Поднебесной есть много устойчивых фраз, связанных с кошками: «猫有九命» («У кошки девять жизней»), «猫死后要挂在树上» («Нужно повесить дохлую кошку на дерево»), «猫死后会成精» («После того, как кот умрет, он станет богом») и так далее.

Интересно, что кошка является символом лицемерия в Китае. Например, распространена идиома «猫哭耗子» («Кот оплакивает мышь»), которая используется для описания человека, который притворяется бедным и несчастным, чтобы завоевать симпатию окружающих для достижения своей цели.

Негативный коннотат присутствует и в толковании кошки как существа, склонного к измене, лукавству. Китайцы считают, что кошки могут бросить своих хозяев из-за отсутствия еды, а собаки не уйдут, поэтому в Китае люди признают кошек предателями. Кроме того, значение лукавства переносится и на людей, находя отражение в идиоме «猫鼠同眠» («Кошка и крыса спят вместе»), метафорически представляющей чиновников, пренебрегающих своими обязанностями и покрывающих подчиненных за плохие поступки.

В отличие от России, в традиционной китайской культуре черная кошка с небольшими рыжими вкраплениями в шерсти называется «玄猫» («таинственной кошкой»), которая является символом счастья¹. Старинная поговорка гласит: «玄猫，辟邪之物，易置于南，子孙皆宜» («Чёрная кошка защищает от злых духов, её следует воспитывать в южном углу/месте, что хорошо для внуков и будущих поколений»). Поэтому в Китае черные кошки имеют положительную культурную коннотацию как животные, обеспечивающие защиту от злых духов и привлекающие богатство. В целом китайская пословица «不管黑猫白猫，能抓耗子的就是好猫» («Неважно, чёрного или белая цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей») прямо говорит о практической ценности кошек всех цветов в жизни жителя Поднебесной.

Анализ показал, что в русском и китайском языках культурная коннотация образов животных и птиц имеет как сходные, так и различные характеристики. В частности, ласточки и лошади в русском и китайском языковом сознании имеют одинаковую культурную коннотацию; вороны,

---

¹ 玄猫 // 百度百科 = Таинственная кошка // Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8E%84%E7%8C%AB/6892763?fr=aladdin> (дата обращения: 13.09.2021). На кит. яз.

воробы и змеи – схожую, но не совпадающую полностью, а перепела, зайцы и кошки характеризуются принципиальными различиями в культурной коннотации языков двух наций. Однако утверждать, что какой-либо из образов является исключительно отрицательным в одной национальной культуре и исключительно положительным – в другой, нельзя. Каждый из них несет в себе различные коннотации. В результате исследования мы можем сделать вывод, что наименования животных и птиц, используемые в языках разных наций, не только несут в себе предметную содержательную нагрузку, но и аккумулируют национально-культурные представления людей об окружающем мире. Кроме того, зачастую коннотативное значение наименований животных и птиц становится основой для метафорического переноса его на человеческое общество. Таким образом, полноценный межкультурный диалог возможен лишь при учете функционирующих в языке коннотаций. В процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации между двумя народами необходимо правильно понимать различия в лингвокультурном содержании ключевых национальных образов, в том числе животных и птиц. Это способствует уменьшению противоречий или недопонимания между различными этническими группами.

Список источников:

Астанкова Т.П. Образы животных в глагольных фразеологизмах (на материале английского и русского языков) // *Инновационные технологии в преподавании иностранных языков: от теории к практике* : материалы IV Региональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2017. С. 72–78.

Вастьянова О.А. Лингвокультурологические особенности английских, китайских и русских пословиц и поговорок с лексемами, описывающими животных // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2014. № 11. С. 23–26.

Гоу Я. Образы домашних животных в русских и китайских фенологических приметах: сопоставительный анализ // *Актуальные проблемы межкультурной коммуникации* : материалы докладов и сообщений IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020. С. 56–63.

Лю П. Образы животных в русском и китайском языках // *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания* : материалы XI студенческой научно-практической конференции. М., 2014. С. 44–45.

У С. Образы животных в традиционных русской и китайской сказках // *Детская литература и воспитание* : сборник научных трудов. Тверь, 2013. С. 39–43.

Федоров М.А. Язык как феномен культуры // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013. № 6 (77). С. 291–295.

Чжицян Ч. Межъязыковые фразеологические эквиваленты с компонентами – наименованиями животных (на материале русского и китайского языков) // *Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. 2011. № 3. С. 83–87.

Чжу Ц. Образы животных в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект // *Русский язык в XXI веке: исследования молодых* : материалы VI международной научной студенческой конференции. Surgut, 2019. С. 141–144.

刘光准. 俄汉语言文化习俗探讨 / 刘光准, 黄苏华. 北京: 外语教学与研究出版社, 1999 = Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа. Дискуссия о русском и китайском языках и культурных обычаях. Пекин, 1999. 231 с. На кит. яз.

李冬梅. 汉俄动物词语文化意义对比 // *赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版)*. 2008. № 1. С. 73–76 = Ли Дунмэй. Сравнение культурных значений китайских и русских слов о животных // *Вестник института Чифэн. Серия: Китайская философия и социальные науки*. 2008. № 1. С. 73–76. На кит. яз.

程裕祯. 中国文化要略. 北京: 外语教学与研究出版社 = Чэн Юйчжэнь. Очерк китайской культуры. Пекин, 1998. 404 с. На кит. яз.

References:

Astankova, T. P. (2017) *Obrazy zhivotnykh v glagol'nykh frazeologizmakh (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* [Images of Animals in Verbal Phraseological Units (Based on the Material of English and Russian Languages)]. In: *Innovatsionnye tekhnologii v prepodavanii inostrannykh yazykov: ot teorii k praktike* : materialy IV Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Yoshkar-Ola, pp. 72–78. (in Russian)

Chzhu, Ts. (2019) *Obrazy zhivotnykh v russkoi i kitaiskoi lingvokul'turakh: sopostavitel'nyi aspekt* [Animal Images in Russian and Chinese Linguocultures: a Comparative Aspect]. In: *Russkii yazyk v XXI veke: issledovaniya molodykh* : materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii. Surgut, pp. 141–144. (in Russian)

Dongmei, L. (2008) [Comparison of the Cultural Meanings of Chinese and Russian Animal Words]. [*Journal of Chifeng Academy (Chinese Philosophy and Social Sciences Edition)*]. 1, 73–76. (in Chinese)

Fedorov, M. (2013) Language as a Culture Phenomenon. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 6 (77), 291–295. (in Russian)

Gou, Ya. (2020) *Obrazy domashnikh zhivotnykh v russkikh i kitaiskikh fenologicheskikh primetakh: sopostavitel'nyi analiz* [Images of Domestic Animals in Russian and Chinese Phenological Signs: Comparative Analysis]. *Aktual'nye problemy mezhdul'turnoi kommunikatsii* : materialy dokladov i soobshchenii IV Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, pp. 56–63. (in Russian)

Guangzhun, L. & Suhua, H. (1999) [*Discussion on Russian and Chinese Language, Culture and Customs*]. Beijing. 231 p. (in Chinese)

Lyu, P. (2014) *Obrazy zhivotnykh v russkom i kitaiskom yazykakh* [Images of Animals in Russian and Chinese]. *Aktual'nye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya* : materialy XI studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moscow, pp. 44–45. (in Russian)

U, S. (2013) *Obrazy zhivotnykh v traditsionnykh russkoi i kitaiskoi skazkakh* [Images of Animals in Traditional Russian and Chinese Fairy Tales]. *Detskaya literatura i vospitanie* : sbornik nauchnykh trudov. Tver, pp. 39–43. (in Russian)

Vast'yanova, O. A. (2014) Lingvokulturologicheskie osobennosti angliiskikh, kitaiskikh i russkikh poslovits i pogovorok s leksemami, opisyyvayushchimi zhivotnykh [Linguistic and Cultural Features of English, Chinese and Russian Proverbs and Sayings with Lexemes Describing Animals]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11, 23–26. (in Russian)

Yuzhen, Ch. (1998) [Essentials of Chinese Culture]. Beijing. 404 p. (in Chinese)

Zhiqiang, Zh. (2011) The Cross-language Russian and Chinese Phraseological Equivalents with Components – the Names of Animals. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kulturologiya. Pedagogika. Metodika*. 3, 83–87. (in Russian)

Информация об авторах

Шан Бофэй – кандидат культурологии, Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет, п. Цзянсу, г. Чжэньцзян, Китай.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1068856.

Сай На – кандидат филологических наук, Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет, п. Цзянсу, г. Чжэньцзян, Китай.

Лю Чжицян – кандидат филологических наук, Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет, п. Цзянсу, г. Чжэньцзян, Китай.

Information about the authors

Shang Bofei – PhD in Cultural Science, Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology, Zhenjiang, Jiangsu, China.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1068856.

Sai Na – PhD in Philology, Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology, Zhenjiang, Jiangsu, China.

Liu Zhiqiang – PhD in Philology, Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology, Zhenjiang, Jiangsu, China.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.10.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 11.11.2021.